
Автор представлен членом Художественного совета **Евгенией Барановой**

Стареть или не стареть? А выбор-то – не велик.
Бывает, приходит смерть, а ты еще не старик.
Бывает, закатит жизнь телегу за поворот –
слезай и, давай, ложись – уже зашивают рот.

И жить бы еще да жить, понять бы, где налажал,
а нет, ты уже лежишь, как будто всегда лежал,
всегда равномерно трезв, покоен и отстранен.
Гудит похоронный трест, и ты состоишь при нем.

Вот ладан уже зажжен, и гости стоят стеной,
и несколько бывших жен, а будущей – ни одной,
но зыбкое их родство уже не печет в груди,
и только прозрачный звон – от вечности впереди.

Отсюда до колонны маяка
без опытного взгляда моряка
так просто расстояния не смерить.
Иди вдоль полосы береговой,
где степь звенит засушенной травой
и море выбирается на берег.

На полпути до места есть забор,
за ним — давно отправленный за борт —
пустует старый пионерский лагерь.
Он был когда-то полон сил и юн,
но год затерт, а месяц был — июнь,
когда впервые здесь подняли флаги.

Забуксовало время и с тех пор
не зазывает пионерский горн
за счастьем по путевкам профсоюза,
и не спешит с портвейном по ночам
к вожатой из «Отряда Ильича»
студент педагогического вуза.

Я буду ждать. Пройди сквозь этот мир,
куда не сможем возвратиться мы,
но можем иногда молчать об этом
(я сам, пока прошел его, — размяк).
На берегу, где светится маяк,
мы встретим наступающее лето.

Очумевший вокзал зашумел,
и, склоняясь по всем падежам,
завопил о судьбе-шаурме
привокзальный азербайджан.

Это лето пришло и жара,
что вдохнешь и захочется пить.
Шел по небу пятнистый жираф –
искры сыпались из-под копыт.

И чирикали стайки девиц –
если в юности кровь с молоком,
счастье пишется через дефис
с чем угодно, светло и легко...